

Е. Н. СУХАНОВА

Дж. Э. Мур и Б. Рассел: логика, язык, реальность

За Дж. Э. Муром (1873–1958) и Б. Расселом (1872–1970) закреплён статус отцов-основателей аналитической философии. В их ранних работах новый стиль мышления не предвосхищен, а уже вполне открыто манифестирует себя. При характеристике этого стиля нас в первую очередь должно интересовать изобретение нового философского метода. Предложенный метод представляет собой комбинацию трех детерминант: *логика — язык — интуиция реального*.

По большому счету философская карьера Мура и Рассела* началась с наступления на идеализм. Целое поколение британских философов пребывало в уверенности, что в Гегеле все-таки «что-то есть». Усредненная метафизика абсолюта брэдлианского типа и стала контрастирующим фоном развертывания первого из предложенных Муром и Расселом подходов к рассмотрению отношения мысли к тому, что мыслится. Вслед за Т. Рикеттсом назовем этот взгляд «метафизикой пропозиций».

Она далека от совершенства и порождает массу трудностей, обнаружение которых вынудило Рассела отречься от нее. Мур, в свою очередь, позже даже признался, что перестал понимать, что имел в виду в своих ранних статьях. И все-таки некоторые результаты, достигнутые в рамках метафизики пропозиций, оказались наделенными самостоятельным значением; некоторые апробированные в ней паттерны анализа стали излюбленными приемами, индивидуализирующими стиль мышления наших двух авторов. К примеру, усилиями Мура была показана логическая независимость ментального акта (восприятия, убежденности или суждения) и объекта этого акта (чувственно данного, пропозиции). В свою очередь Рассел обосновал «внешнюю» природу отношений, исходя из их собствен-

* В исходном тексте статьи во всех случаях упоминания Мура и Рассела сопровождаются приведением инициалов. Здесь — за исключением первого упоминания — приводятся только фамилии: «Мур» и «Рассел», без инициалов. — *Прим. науч. ред.*

ных свойств (главным образом асимметричности), не прибегая к допущениям, выходящим за рамки чисто логического дискурса. Эти два результата высвободили философию из-под гнета идеалистического «Принципа органических единств», согласно которому любая абстракция (т. е. мыслительное обособление, партикуляризация объекта) признавалась незаконной, ибо «когда бы вы ни пытались утверждать *что бы то ни было о части* органического целого, то, что вы утверждаете, может быть истинным только в отношении всего целого»*, но не этой части как таковой, которая вне целого своих отношений вообще утрачивает свою идентичность. Тем самым Мур и Рассел продемонстрировали автономию операции анализа от операции синтеза, что давало дорогу плюралистической логико-онтологической концепции: вещей как атомов мысли много (причем в прямом смысле), пропозиций о таких вещах много, соответственно, экземплярификаций истины тоже много, и все они — полноценны, лишены какой бы то ни было внутренней иерархии.

Для этого раннего учения характерны:

1. Акцент на *логике*. В контексте теоретико-познавательной проблематики речь, конечно, не может идти о задаче построения дедуктивной системы. Однако и «диалектическая логика», являющаяся оригинальным изобретением философов, — совсем не то оружие, на которое делают ставку Мур и Рассел.

Предмет их интереса — формальная логика в своей дескриптивной функции. По-настоящему разобравшись в формально-логических понятиях и осмыслив природу и структуру истинного суждения, мы вполне сможем составить картину реальности. Выбор корректного формального аппарата обеспечит и того сорта интеллектуальное удовлетворение, которого тщетно искали приверженцы идеалистической традиции. По мнению Рассела и Мура, современная обновленная логика (логистика) уже не сводится к формальному канону правил, но может и должна стать органом познания. Отсюда ясно, что естественным вектором философского рассуждения является движение от осмысления логических концептов к формированию картины реальности, но не наоборот. Точно уяснив, что такое «объект», «свойство объекта», «отношение между объектами», «существование объекта», мы уже не сможем приветствовать, скажем, метафизический инсайт, обрекающий истину на «благополучное самоубийство» (*happy suicide*) во имя брэддианского абсолюта. Вера Рассела и Мура в мощь логики была столь велика, что последний даже заявлял, что, поскольку его философские результаты получены в строгом соответствии с законами логики, их не сможет опровергнуть даже апелляция к фактам.

* *Пассмор Дж.* Сто лет философии. М., 1998. С. 256.

2. Специфика объектов приложения логических техник. На этапе метафизики пропозиций это акты восприятия, убеждения и непосредственно данное в этих актах. Осознание, что основной предмет философских штудий — это язык, не является отправной точкой проекта. Тем не менее мы не должны забывать о тесных связях логики и грамматики, о возможности имплицитного включения представлений о фундаментальных лингвистических структурах в рассуждения о неязыковых феноменах. Так, при обсуждении феноменалистского тезиса «когда мы говорим, что воспринимаем материальный объект, на самом деле мы воспринимаем лишь какое-то чувственно данное» мысль Мура, должно быть, движется следующим образом: когда мы говорим, что воспринимаем материальный объект, мы все же имеем полное право сказать, что воспринимаем материальный объект. Значит, анализ восприятия не исчерпывается указанием на непосредственное схватывание чувственно данного, связанного с объектом: мы должны рассмотреть еще и схватывание материального объекта. Здесь вполне узнаваем Мур периода «Защиты здравого смысла»: философ делает все для того, чтобы философский анализ коррелировал с нашими обычными представлениями о восприятии.

Коллапс метафизики пропозиций связан с неинтелигибельностью трактовки истины: истинные и ложные пропозиции как объекты наших убеждений оказались одинаково субсистентны. Этот доктринальный кризис помогает Муру и Расселу обнаружить в себе некую интуицию реального и затем превратить ее в философский концепт. Основные принципы нового проекта — «метафизики фактов» — таковы:

- философствование по-прежнему должно оставаться в подчинении у логической теории;
- но удержаться на позициях реализма возможно только возведя в принцип апелляцию к фактам. Ощущение *реального* — сила, которая призвана сдерживать онтологическое радушие логики.

Даже если не принимать в расчет то, что чувство реальности у наших философов оказывается весьма рафинированным и мало похожим на мироощущение человека с улицы, Мур и Рассел и между собой не находят взаимопонимания по данному вопросу. Мур стремится выстроить дискурс так, как если бы гипотетическому обычному человеку вдруг захотелось порассуждать о традиционных философско-онтологических проблемах. Рассел же становится на позицию гипотетического дисциплинированного ученого, погруженного в решение своих исследовательских задач. «Чувство здравого смысла» Мура и «здоровое чувство реальности» Рассела соизмеримы не больше, чем естественная и научная установки сознания.

Что касается роли *языка* в философии, теперь Мур и Рассел сходятся в оценке ее важности. Так, Рассел приходит к пониманию, что некоторые ошибки его ранней позиции имеют лингвистическую природу, проистекают из неявных допущений, к которым нас принуждает естественный язык (например, наивная вера в то, что «если слово что-нибудь означает, то должна быть какая-то вещь, которая имеется им в виду»^{*}, легко приводит к онтологической неразберихе а ла Мейнонг), или из-за переноса свойств символа на символизируемый предмет. Поэтому, говорит Рассел, «Действительно хороший философ тот, кто раз в полгода хотя бы на минуту задумается об этом (т. е. о теории символизма). Плохой философ не думает об этом никогда»^{**}.

Мур также считает, что большой вред философии наносят чисто словесные путаницы и что философу действительно необходимо задумываться над тем, каким образом его понятия соотносятся с понятиями общеупотребительного языка, который для Мура становится мерилом корректности всякого размышления. Он соглашается с Расселом в том, что язык философии должен быть максимально точным, прозрачным, лишенным семантических и синтаксических двусмысленностей. Однако для Рассела этот идеал достижим только через построение искусственного, логически совершенного языка, символической системы записи, которая «сразу же будет показывать логическую структуру утверждаемых или отрицаемых фактов»^{***}, вклад естественного языка в философский дискурс может быть только негативным. Разумеется, последнее утверждение абсолютно противоречит уверенности Мура в том, что искомая однозначность скрыта как раз в самых тривиальных и обыденных высказываниях и фактах и в их очевидных онтологических импликациях; точнее — в нашем несомненно недвусмысленном понимании этих высказываний, благодаря чему они приятно отличаются от многих «философских» суждений, которые и в самом деле туманны, и хуже того — противоречивы. Поскольку сам естественный язык снабжает нас когерентной системой представлений о фактах мира, в изобретении специального языка нет потребности.

Описанная разность во взглядах на то, какой именно язык (обыденный или искусственный) важен для философского исследования, является решающей, так как не только фундирует сам способ ведения анализа, но и предопределяет, какого сорта результатов

^{*} Рассел Б. Мое философское развитие (главы 5, 7) // Аналитическая философия: Избранные тексты. М., 1993. С. 19.

^{**} Там же. С. 11.

^{***} Там же. С. 23.

следует ожидать от этой процедуры. Анализ, в понимании Рассела, заключается в постепенном продвижении «От того, что очевидно, но нечетко и двусмысленно, и в чем мы чувствуем себя совершенно уверенными, к чему-то точному, ясному, определенному, что <...> включено в то нечеткое, с чего мы начинали, и, так сказать, представляет собой действительную истину, лишь тенью которой выступает нечеткое»*. Любопытно, что «все точное столь далеко от всего того, о чем мы обычно мыслим, что нельзя и на мгновение предположить, что же мы на самом деле имеем в виду, когда выражаем наши мысли»**. По-видимому, подобные высказывания нужно интерпретировать как призыв к генеральной ревизии нашего привычного способа обращения с понятиями; при этом в качестве эксплананса должна привлекаться теория логического символизма (о которой мы «обычно не мыслим») как гарант референциальной «точности» дискурса; по сути, в философском исследовании речь должна идти не об «идеях» или «понятиях», а о словах, поскольку именно последние способны «обозначать», или «именовать», внелингвистические, нементальные сущности.

Деятельность Мура не может быть описана как отказ от уверенности в чем-то ради чего-то точного и ясного, но, пусть даже в возможности, иного. Энергия Мура сконцентрирована на обосновании самой этой уверенности в определенных истинах. В его понимании очевидность этих истин отнюдь не грешит приватностью или вариабельностью от одного человека к другому. Она — интерсубъективна, разделяется всем человеческим сообществом, поскольку в сущности не является продуктом интроспекции или интуитивного схватывания. Эти истины обладают достоверностью особого рода — достоверностью здравого смысла, который манифестирует себя в «обыденном» значении наших фраз. Мур предполагает, что существует некий класс суждений здравого смысла, в которые человек верил всегда, пока вообще во что-нибудь верил. И философский анализ, по Муру, обязан принимать во внимание убеждения здравого смысла и согласовываться с ними. Поэтому анализ у Мура нацелен не на поиск логических атомов мысли как таковых, а на разработку характеристик нашей обыденной концептуальной схемы. В этом отношении вопросы символизма для Мура не то чтобы вторичны, но находятся в подчинении у «обыденного» смысла анализируемого комплекса. Соображения о простоте и «недвусмысленности» связаны у Мура как раз с особым статусом этого обыденного значения, а не с внутренней формой выражения. Понятно, что в свете сформировавшихся предпочтений Мур не будет высказываться в духе «Фи-

* Там же. С. 5.

** Там же. С. 5.

лософии логического атомизма»: о нереальности вещей, которые мы считаем реальными, или наоборот, — о реальности вещей, которые мы считаем нереальными. Аналитические процедуры способствуют укреплению убежденности, а не разрушению ее.

Рассел и Мур были первыми, кто сумел по достоинству оценить выводы и перспективы привлечения новых по тем временам разработок в логику в круг рекомендуемых подходов к классическим философским темам. Благодаря интеллектуальным и личностным качествам двух мыслителей в западную духовную культуру вошел новый стандарт философской деятельности, который и по сей день культивируется в англоговорящих странах. Работы Мура и Рассела не похожи на плоды внезапного озарения. Они больше напоминают отчеты, которые генерализируют результаты, полученные в ходе отдельных исследований конкретных проблем. Этот стиль подробного, будто бы лабораторного отчета стал популярен среди аналитических философов, воспринявших также расселовское предположение о вероятности того, что философия заблуждается, адаптируя героические средства для интеллектуальных затруднений, и что решения должны быть найдены просто большей заботой и аккуратностью.

Мур и Рассел начинали с онтологического анализа. Но довольно скоро он был преобразован в изыскания лингвистического толка. Реальность можно выразить в словах: эта формула их простой антитезы идеализму превратилась в парадигмообразующий принцип доверия к языку (идеальному или обыденному), предвосхитив едва ли не главную коллизию современной аналитической философии. Оба мыслителя расположены к метафизической проблематике и считают ее релевантной философскому поиску. Они хотят получить единственно верный ответ на онтологические загадки. В начале своей карьеры они полагали, что ответ может быть найден чисто формальным способом. Но позднее логический априоризм был дополнен соображениями, характерными для классического эмпиризма.

Опровергнув гегельянцев, Мур и Рассел выстраивают метафизику совершенно нового типа. Для Б. Рассела «метафизическое» означает либо «логически сконструированное из непосредственно данного», либо вообще ничего не означает. Для Мура метафизика — это экзистенциальные пресуппозиции обыденного языка либо самопротиворечивые безосновательные выдумки. Здесь мы видим, как в связи с попытками переопределения статуса метафизических высказываний актуализируется тема демаркации смысла и бессмысленного — другая проблемная точка последующей аналитической философии.

Мы согласны с американским исследователем ранней философии Мура и Рассела Г. Хохбергом, который отмечал, что возникновение

логико-атомистического учения (впрочем, и аналитической философии в целом) сопряжено с парадоксами и иронией. Взять хотя бы тот факт, что коллеги, начинавшие с одних и тех же интенций и принципов, пришли к радикально отличающимся взглядам на философский метод и на задачи философии. Мур и Рассел — родоначальники двух школ аналитической философии и вместе с тем — объекты самой жестокой критики со стороны своих же последователей и учеников. Примечательно также, что роковой фигурой для обеих доктрин стал один человек — Л. Витгенштейн, который своими работами аннулировал и проект Рассела, и концепцию анализа Мура.

Тем не менее у Мура и Рассела есть заслуга, которую у них никто не дерзнет отнять. Предложив оригинальный подход к проблемам философии, они заставили философов обратить свой взор в сторону доселе неизведанной области логического анализа языковых структур и помыслить такого рода анализ как ресурс для своей деятельности. В том, что некоторые философы были так очарованы новым методом и новой сферой приложения творческих усилий, что не смогли вернуться к исконно философским проблемам, нет вины Мура и Рассела.

